

КУЛЬТУРА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕНЗУРА В БССР В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»

*А.А. Козлов
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

В течение всего советского периода существовало партийное руководство печатью, литературой, искусством. «Оттепель», наступившая после смерти И.В. Сталина, несколько изменила положение – советская цензурная машина замедлила обороты. Однако «период «оттепели» в белорусской духовной жизни имел противоречивый характер. С одной стороны, шли процессы демократизации, реабилитации репрессированных деятелей культуры, ослабления партийного давления на творческий процесс. С другой стороны, продолжала сужаться сфера использования национального языка, продолжалась борьба с «формализмом» в искусстве. Изучение истории советской цензуры представляется актуальной. XXI век характеризуется созданием мирового информационного пространства, из-за чего вопрос обеспечения свободы информации или ее ограничения становится все более актуальным. Цель статьи – изучение воздействия органов политической цензуры БССР на развитие культуры в период «хрущевской оттепели».

Материал и методы. Источниковая база работы – документы Госархива Витебской области (фонд 3991). Исследование основано на принципах объективности и историзма. В работе были использованы как общенаучные (анализ и синтез), так и специально-исторические методы (историко-генетический, ретроспективный).

Результаты и их обсуждение. Во время «оттепели» несколько ослабела цензура в литературе, кино и других видах искусства, казалось, что этот процесс получит дальнейшее развитие, станет возможным более критическое освещение действительности. В 1955 г. в Беларусь начали возвращаться реабилитированные писатели. Первыми увидели родину поэт А. Александрович и прозаик Я. Скрыган [6, с. 142]. 31 октября 1956 г. на партийном собрании в Союзе писателей БССР со стороны П. Пестрака и А. Бачилы звучала открытая критика партийного руководства республики за «принижение белорусского языка и культуры, оторванность от народа, бюрократизм». Попытки по сохранению белорусского языка делались и на уровне отдельных партийных руководителей. Так, секретарь Ленинского РК КПБ г. Минска Л. Фёдорова на отчетно-выборном партсобрании в Министерстве связи отметила: «Стыдно жить в Беларуси и не выписывать белорусских газет. Нужно уважать белорусскую республику. Кто не знает, необходимо выучить белорусский язык» [1, с. 306].

Однако реальные попытки защиты языка преследовались. Так, 16 февраля 1957 г. был арестован преподаватель белорусского языка кандидат исторических наук Гродненского педагогического института имени Я. Купалы Б. Ржевский. Возмущение в обществе вызвало судебное дело племянников Я. Коласа – преподавателя Белорусского лесотехнического института Л. Белого и студента Института народного хозяйства М. Белого. Братьев обвиняли в распространении листовок со стихотворением, написанным в защиту белорусского языка. На судебном процессе 27 июня 1957 г. их обвинили в антисоветской пропаганде и агитации. Старший брат получил 10 лет лишения свободы, младший – 7 [6, с. 141].

Практически всем белорусским писателям, которые брались за освещение положения в деревне, не удавалось угодить партийным идеологам [7]. Однако время от времени цензурная машина давала сбой. Примером может быть история повести А. Кулаковского «Дабрасельцы», размещенной в 1958 г. в «Маладосці». В ней показана белорусская провинция, которая, несмотря на новые времена, целиком скована страхами сталинской эпохи. Главлит пропустил произведение, чему, по соседствовало не только относительно либеральное время, но и должность главного редактора «Маладосці», которую занимал А. Кулаковский. Ошибку Главлита быстро заметили. На совместном заседании ЦК ЛКСМБ и Союза писателей БССР повесть «Дабрасельцы», главный герой которой председатель колхоза – «демагог и пьяница», объявили «ошибочной», а ее автора сняли с должности [6, с. 142].

Первое столкновение В. Короткевича с цензурой произошло в апреле 1961 г., когда на контроль в Главлит БССР пришел журнал «Полымя» (1961, № 4), где была размещена одна из первых исторических повестей Владимира Короткевича – «Седая легенда». В августе 1961 г. цензором Целуевским по политическим соображениям выброшены целые диалоги из рассказов В. Короткевича «Блакiт i золата дня». В конце хрущевской эпохи В. Короткевич привлек к себе

внимание высшего партийного руководства в лице секретаря ЦК по идеологии С. Пилотовича. По его указанию критиковали в печати эссе «Званы в прадоннях азёр» [5, с. 15].

На контроле Главлитбела были хроникальные и научно-технические фильмы, выпускавшиеся киностудией «Беларусьфильм». В творчество советских писателей, режиссеров и драматургов мог вмешиваться не только Главлит и его местные органы. Например, в процессе съемок любого фильма о войне, кроме киностудии «Беларусьфильм», участвовали еще и местный Комитет по кино, Главный комитет по кино в Москве, Союз кинематографистов, культурный и агитационно-пропагандистский отделы ЦК КП(б)Б, а также политуправление Белорусского военного округа, а то и само Главное политическое управление Советской Армии.

В. Быков во время съемок фильма по повести «Третья ракета» в 1963 г. подсчитал, что право вмешиваться в кинопроцесс имели около 60 человек, и каждый что-то запрещал, изменял, требовал. После того как фильм проходил согласование в местных инстанциях, его нужно было еще утвердить в Москве, где была своя армия критиков и консультантов.

Главлитбел и обллиты контролировали и 25 музеев [7]. Все новые отделы в музеях открывались при соблюдении всех требований цензуры, а пополнение экспозиций и их изменение производилось только с разрешения Главлита [4, л. 19]. В мае 1950 г. было издано постановление ЦК КП(б)Б «О мерах по ликвидации фактов разглашения государственных тайн в музеях». В Музее истории Великой Отечественной войны срочно потребовали изъять условные обозначения народнохозяйственных объектов БССР, сведения о количестве скота, полученного в 1947–49 гг. в счет репараций, карты дислокации партизанских отрядов и бригад во время войны. Секретными были объявлены почти все сведения о МАЗе и МТЗ. То же происходило в других музеях страны [7].

Изобразительное искусство также находилось под контролем цензуры. В Витебске имела художественная мастерская, которая подчинялась Белорусскому отделению худфонда СССР и имела разрешение на изготовление политической и художественной изобразительной продукции. Мастерская имела специальные эталоны, утвержденные Главлитом СССР [2, л. 15–16]. При приеме портретов руководителей партии и правительства органы цензуры требовали точного сходства написанного портрета с имеющимся эталоном. Сначала вся изготовленная изопродукция рассматривалась художественным советом, составлялся протокол, который подписывался директором мастерской. Обллиту предоставлялся протокол художественного совета и он, в свою очередь, рассматривал произведения и если они точно соответствовали эталону, то на них ставилась разрешительная виза [4, л. 20]. За 1953 г. принято и рассмотрено картин – 26, портретов – 369. Было забраковано две картины и один портрет, десять предложено переделывать [2, л. 15–16]. Вообще, ни один вид искусства не обходился без контроля органов цензуры. Так, в 1953 г. в Витебской области работало 20 концертных бригад и театральных коллективов, репертуар которых проверялись обллитом. Были взяты на учет оркестр ресторана «Аврора» в составе 7 человек и в парке культуры и отдыха имени Фрунзе [3, л. 15–16].

Заключение. Советская культурная политика осуществлялась с помощью партийно-государственных и цензурных органов. И хоть в годы «оттепели» советская цензурная машина в целом несколько замедлила обороты, призывы сделать литературное творчество свободным, в том числе от цензуры, поддержки не имели.

Список литературы

1. Гісторыя беларускай дзяржаўснасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 2 / М. У. Смяховіч [і інш.]; рэдкал. : А.А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. Навука. – 2012. – 654 с.
2. Государственный архив Витебской области (далее ГАВт). – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 12.
3. ГАВт. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 13.
4. ГАВт. – Ф. 3991. Оп. 2. Д. 17.
5. Гужалоўскі, А. Караткевіч і цензура / А. Гужалоўскі // Літаратура і мастацтва. – 2013. – 29 лістап. – С. 15.
6. Гужалоўскі, А. Парнас пад цензурным наглядом : Аляксандр Гужалоўскі // Польша. – 2014. – №6. – С. 141–147.
7. Матох, В.М. Цензура в БССР / В. Матох [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.belgazeta.by/ru/2007_07_23/arhiv_bg/14455/Дата доступа: 27. 11. 2014.